

«Религиозный НЭП» и трансформация повседневной жизни православных верующих на территории Енисейской губернии

Г.М. Луцаева^а, Д.Е. Рожков^б, А.В. Сабенина^с

Сибирский Федеральный Университет, Гуманитарный институт, проспект Свободный 82а, Красноярск, Россия

^а lusgalina@yandex.ru, ^б danyarozhkov@yandex.ru, ^с ASabenina@sfu-kras.ru

^а <https://orcid.org/0009-0002-4803-3197>, ^б <https://orcid.org/0009-0006-7520-3496>,

^с <https://orcid.org/0009-0004-0186-9151>

Статья поступила 22.10.25, принята 28.11.25

Статья посвящена исследованию повседневной жизни православных верующих в Енисейской губернии в период новой экономической политики (НЭП). Актуальность исследования жизни и быта православных верующих обусловлена тем, что религия является ключевым элементом повседневности, который формирует не только мировоззренческие установки, но и отражается на быте человека. Именно поэтому изучение повседневной жизни православных верующих енисейского региона в условиях антирелигиозных кампаний и внедрения «красных» праздников позволяет понять механизмы сопротивления, компромисса и адаптации верующих в эпоху социальных трансформаций. Региональный аспект работы позволит выявить особенности данного процесса в Енисейской губернии. Цель работы – изучение особенностей быта и культурной жизни православных верующих Енисейской губернии в период новой экономической политики. В рамках проводимого исследования проанализирована историография по данной теме. Методологическую базу работы составили принципы историзма и объективности, а также сравнительно-исторический метод. В основу работы легли материалы Государственного архива Красноярского края и региональной периодической печати. Итогом исследования является формирование целостной картины повседневной жизни православных верующих в Енисейской губернии в условиях НЭПа.

Ключевые слова: религия; религиозный НЭП; история повседневности; Енисейская губерния; религиозная политика.

"Religious NEP" and the transformation of the daily life of Orthodox believers in the territory of the Yenisei province

G.M. Lushchaeva^а, D.E. Rozhkov^б, A.V. Sabenina^с

Humanitarian Institute of Siberian Federal University; 82a, Svobodny Ave., Krasnoyarsk, Russia

^а lusgalina@yandex.ru, ^б danyarozhkov@yandex.ru, ^с ASabenina@sfu-kras.ru

^а <https://orcid.org/0009-0002-4803-3197>, ^б <https://orcid.org/0009-0006-7520-3496>,

^с <https://orcid.org/0009-0004-0186-9151>

Received 22.10.25, accepted 28.11.25

The article is devoted to the study of the daily life of Orthodox believers in the Yenisei province during the period of the New Economic Policy (NEP). The relevance of the study of the lifestyle and everyday life of Orthodox believers is due to the fact that religion is a key element of everyday life, which forms not only ideological attitudes, but also affects human life. That is why studying the daily life of Orthodox believers in the Yenisei region in the context of anti-religious campaigns and the introduction of "red" holidays makes it possible to understand the mechanisms of resistance, compromise and adaptation of believers in the era of social transformation. The regional aspect of the work reveals the specifics of this process in the Yenisei province. The purpose of the work is to study the peculiarities of the everyday life and cultural life of the Orthodox believers of the Yenisei province during the period of the New Economic Policy. As part of the ongoing research, the historiography on this topic is analyzed. The methodological basis of the work consists of the principles of historicism and objectivity, as well as the comparative historical method. The work is based on materials from the State Archive of the Krasnoyarsk territory and the regional periodical press. The result of the research is the formation of a holistic picture of the daily life of Orthodox believers in the Yenisei province in the conditions of the New Economic Policy.

Keywords: religion; "religious NEP"; history of everyday life; Yeniseysk Governorate; religious policy.

Введение. Актуальность исследования жизни и быта верующих Енисейской губернии в условиях НЭПа обусловлена тем, что религия, как ключевой элемент повседневности, формирует не только мировоззренческие установки, но и отражается на быте человека. Так, религия обуславливает определённым образом структурировать пространство жилища, как, например, расположение икон в доме. Несмотря на значительный

пласт работ, посвящённых религиозной политике советской власти и церковно-государственным отношениям, микроисторические аспекты быта, ритуалов, домашних практик и социальных взаимодействий верующих остаются слабо исследованными. Изучение повседневной жизни православных верующих позволит понять механизмы сопротивления, компромисса и адаптации верующих в эпоху социальных трансформаций.

Региональный аспект позволит выявить особенности данного процесса в Енисейской губернии.

Постановка целей и задач. Целью данной статьи является изучение особенностей быта и культурной жизни православных верующих Енисейской губернии в период новой экономической политики.

Задачи исследования:

- выявить происходящие изменения в быте и культурной жизни православных верующих в Енисейской губернии с началом НЭПа;

- выявить специфику реализации государственной политики в области религии и антирелигиозной пропаганды на территории Енисейской губернии.

Степень изученности темы. Историография по данной тематике представлена довольно слабо. Однако в настоящее время начали появляться работы, которые исследуют аспекты повседневной жизни верующих Енисейской епархии.

Так, элементы быта и повседневной жизни верующих рассмотрены в монографии красноярского кандидата исторических наук А.П. Дворецкой [1]. В своей работе автор поднимает вопросы религиозной жизни населения Приенисейского региона в 1900–1930-е гг. Автор монографии анализирует уровень религиозности населения и трансформацию общества в первые годы советской власти, рассматривает некоторые аспекты повседневной жизни, изменившиеся под влиянием советской идеологии, а также взаимоотношения между конфессиями и обществом.

Помимо всего прочего, стоит отметить и монографию красноярского исследователя Г.В. Малашина [2]. В работе делается основной упор на историю Енисейской епархии от начала её существования. Однако автор, помимо всего прочего, затрагивает и локальные моменты истории: биографии священнослужителей и особенности быта духовенства

Конкретизированное изучение истории повседневности православного духовенства с 1917 по 1920-е гг. присутствует в статье студента СФУ 3 курса В.В. Елисеевского под руководством кандидата исторических наук А.С. Кузьменко [3]. В работе рассматривается быт и повседневная жизнь священнослужителей Енисейской губернии.

Также в рамках современной можно упомянуть и статью старшего преподавателя кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации Юридического института Красноярского государственного аграрного университета С.В. Бершадской [4]. Работа посвящена анализу периодической печати, основанному на газете «Красноярский рабочий». В статье раскрывается то, как антирелигиозная политика отразилась на бытовых и досуговых практиках населения Енисейской губернии.

Немаловажной работой для понимания того, как антирелигиозная политика советской власти отражалась на повседневной жизни верующих, является статья красноярского кандидата исторических наук М.В. Холиной [5]. В статье показана трансформация православных традиций, а также и то, как сопротивлялось население антирелигиозной политике.

Таким образом, анализ современной историографии на тему трансформации повседневной жизни верую-

щих Енисейской губернии в период НЭПа позволяет сделать вывод о том, что актуальные вопросы истории повседневности верующих региональных епархий лишь находятся в процессе разработки. Исследования по большей части не стремятся к комплексному изучению быта и повседневности верующего населения и сосредоточены на истории РПЦ, антирелигиозной политике советской власти, влиянию НЭПа на конфессии. Имеющиеся исследования не направлены на изучение повседневности и быта верующих, вписывая их в дискурс работ, посвящённых взаимоотношениям конфессий, власти и общества, изменению положения религии в обществе и государстве. Именно поэтому данная статья преследует цель внести вклад в изучение истории повседневности православных верующих в период НЭПа.

Методология исследования. В основе методологии исследования лежат принципы исторической науки: принцип историзма, принцип объективности, а также специально-исторический метод и сравнительно-исторический метод.

Принцип историзма подразумевает под собой рассмотрение явлений в их конкретных взаимосвязях и условиях, объективный взгляд на события и личности.

Принцип объективности даёт возможность проследить историю повседневной жизни православных верующих в Енисейской губернии с точки зрения закономерностей, которые определяют изменения, происходящие в результате государственных реформ. Принцип предполагает опору на содержание фактов, не искажая и не подстраивая их.

Сравнительно-исторический метод дал возможность проследить общие и локальные моменты в трансформации повседневной жизни православных верующих в общероссийском масштабе и на территории Енисейской губернии.

Источниковая база. Источниковая база работы включает в себя архивные материалы фондов Государственного архива Красноярского края (State archive of the Krasnoyarsk territory) (далее – ГАКК (GAKK)) и периодическую печать.

Дело фонда 674, которое использовано в работе, включает в себя сведения и отчёты о состоянии церквей 2-го и 4-го участков благочиния Енисейского округа. Данные документы позволили выявить то, что население, несмотря на кампанию по изъятию церковных ценностей, стремились материально поддерживать приходы и обеспечивать проживание священников в съёмных квартирах [6, л. 21–22].

Дела фонда П-1, которые использованы в работе, включают в себя: отчётные материалы, протоколы заседаний, информационные письма, рапорты. Данные материалы сообщают о различных вооружённых столкновениях и конфликтах населения и духовенства против религиозной политики советской власти, а также и о локальных случаях материальной поддержки Церкви, но при этом отказа от содержания советских учреждений [7, лл. 10, 16, 19, 47 об.].

Помимо этого, стоит упомянуть и об отчёте, где указывается о провале антипасхальной кампании и незаинтересованности людей в первомайских советских праздниках, что свидетельствует о провале антирелигиозной политики [8, л. 27]. Ещё в рамках работы использован

документ, свидетельствующий о том, что крестьяне из д. Прокопьевка отказываются содержать советские учреждения, но всегда находят средства для постройки церквей [9, л. 60]. Также отчётные материалы сообщают о положении «тихоновцев» в Енисейской губернии, что свидетельствует о том, что население в массе своей поддерживает Патриаршую церковь и незаинтересованно в нововведениях обновленцев [10, л. 58–59]. Немаловажными при исследовании повседневной жизни верующих являются отчёты, информирующие о сохранении в сознании людей религиозности на уровне обрядов и посещения церквей [11, л. 251, 299].

Дело фонда П-5, которое использовано в работе, включает в себя обзоры политического и экономического состояния в Канском уезде, также свидетельствующие о том, что, даже не ассоциируя себя с православием, жители деревень продолжали сохранять православные традиции и хранить иконы в домах [12, л. 76].

Дело фонда Р-2400, которое использовано в работе, включает в себя обзоры СО ЕНГООПГУ. Данные обзоры сообщают о положении конфессий в губернии, влияние их на население, а также направление дальнейшей антирелигиозной политики [13, лл. 1–24].

Также, в рамках использования периодической печати, за основу взяты статья газеты «Красноярский рабочий», которая свидетельствует о начале Обновленческого раскола в Енисейской епархии, что, в свою очередь, означало смену антирелигиозного курса советской власти, переход к «религиозному НЭПу» [14, с. 3].

Помимо всего прочего, статьи газет демонстрируют отношение видных деятелей духовенства к антирелигиозной кампании и трансформации религиозности общества [15, с. 2].

Таким образом, анализ источников даёт возможность сделать вывод о том, что повседневность верующих и локальные моменты, связанные с антирелигиозной политикой государства в рассматриваемый период, представлены довольно широко, что позволяет наглядно рассмотреть отношение верующих к проводимому советской властью курсу в отношении религии. Помимо этого, источники сообщают и о сохранении религиозности в сознании населения и её постепенной трансформации в меняющихся условиях в эпоху НЭПа.

Обсуждение. Стоит отдельно остановиться на понятии «повседневная жизнь», которое будет использовано в данной работе.

Повседневная жизнь верующих включает в себя систему норм и ценностей, характерных для данной социальной группы. Помимо всего прочего, сюда входит мировоззрение верующей части населения, религиозно-обрядовая структура, уклад жизни и праздники.

Православные верующие будут рассмотрены в статье по причине того, что они представляют наиболее распространённую в губернии группу. Соответственно, другие конфессии, включающие инославных и иноверных, затронуты не будут.

Говоря о периоде начала второй четверти XX века, и, собственно, переходе к НЭПу, то он характеризуется серьёзными религиозными кризисами и антирелигиозными кампаниями со стороны советской власти.

Так, 23 февраля 1922 г. началась кампания по изъятию церковных ценностей, которая крайне негативно

влияла на материальную базу Церкви и социальную напряжённость в среде священнослужителей и паствы.

Духовенство встретило данную кампанию неоднозначно: одна часть, так называемые «обновленцы», белое духовенство, стремились к сотрудничеству с новой властью, а другая часть – «тихоновцы», сторонники Патриаршей каноничной церкви, чёрное духовенство, нередко протестовали против изъятия церковных ценностей [2, с. 317–319]. В церковной среде наблюдался раскол, впоследствии получивший название «обновленческий».

Несмотря на сложившуюся ситуацию, внутренние процессы в Церкви мало интересовали рядовых верующих, но в рамках привычных идей, обрядов и литургий поддержку находила больше Патриаршая Церковь, о чём и свидетельствуют источники, где «тихоновская» община могла объединять вплоть до 1000 человек [13, лл. 18–18 об.].

Больше интересовали прихожан другие вещи: вскрытия мощей, изъятие предметов культа и закрытие монастырей – всё это глубоко оскорбляло чувства верующих, лишённых возможности проводить обряды и литургии. Население крайне негативно реагировало на проводимую государством антирелигиозную политику. Данные явления вызывали, хоть и малочисленные, но протесты и вооружённые столкновения в Канском и Ачинском уездах, а также в Кызыльской волости [7, лл. 16, 19, 47 об.].

Однако данные обстоятельства никак не способствовали угасанию религиозной жизни в губернии. Храмы продолжали регулярно посещать в основном жители сельской местности, однако на православные праздники отмечается и активность в городской среде. Так, в качестве примера, может послужить проведение Пасхи в 1921 г. в г. Енисейске, когда её празднование совпало с советскими Первомайскими праздниками, и всё население города пошло на церковную службу.

Говоря про подрыв материальной базы Церкви, то в ответ на это, проводились денежные и натуральные сборы в пользу общины, храма или священника со стороны верующих. Квартиры и проживание в них священников также оплачивалось прихожанами. Данные решения принимались, как правило, на уровнях местных сельсоветов и сельских обществ [6, лл. 21–22].

Наглядно и то, что советские власти не могли на это повлиять. Например, в 1920 г. зафиксирован сбор Шошкского сельского общества Шилинской волости Красноярского уезда по вопросу о назначении фиксированного жалования местному священнику, а крестьяне с. Кемского постановили материальные сборы с каждого члена общины на покупку приходского дома и его дальнейшего отопления.

Данный феномен доходил до того, что затраты на церковные нужды превышали расходы на советские учреждения и выполнение продналога. Нагляден случай в д. Прокопьевка, когда жители отстроили церковь и приходской дом, а также нашли священника, но отказались от содержания учителя, указывая на отсутствие средств для этого [9, л. 10].

Поэтому Церковь, хоть и с трудом, но продолжала своё существование, что не устраивало советскую власть, по причине того, что население продолжало

оставаться в основе своей верующими, а антирелигиозные кампании показывали слабые результаты. В связи с этим принят иной вектор борьбы с «опиумом для народа», который в литературе именуется как «религиозный НЭП».

Стоит остановиться на данном понятии и характеризовать его, чтобы в дальнейшем проследить то, как политика «религиозного НЭПа» отразилась на повседневности верующих.

«Религиозный НЭП» – политика тактической либерализации некоторых сфер церковной жизни при общем сохранении антирелигиозного вектора в деятельности партийных и карательных органов в период с 1923 по 1929 гг. Характеризовался «религиозный НЭП» планомерным подрывом авторитета Церкви среди низового крестьянства через агитацию и пропаганду. Соответствующая резолюция «О постановке антирелигиозной агитации и пропаганды» была принята в ходе XII съезда РКП(б) с 17 по 23 апреля 1923 г. Согласно документу, предусматривалось развёртывание углублённой систематической пропаганды, подготовка новых кадров для агитации и привлечение к этому школьных учителей. При этом подмечалось, что необходимо избегать всякого оскорбления чувств верующих. В отношении же церковной жизни отмечалось, что недопустима административная борьба через закрытие церквей, мечетей, синагог и молитвенных домов. Помимо всего прочего, говорилось о «мягком» отношении к рядовому духовенству, прекращению репрессивных кампаний, помимо тех, что не связаны с явной контрреволюционной направленностью церковных деятелей [16, с. 134, 136].

Своеобразной подготовкой к «религиозному НЭПу» стало смещение «тихоновских» епископов с кафедр и укрепление позиций лояльных к советской власти обновленцев, как представителей рядового, то есть, белого духовенства. Так, в сентябре 1922 г. удалён с поста епископ Назарий и на его место поставлен обновленческий священник Александр Сидоровский. Данные действия инспирировали церковный раскол в среде священников [13, с. 3].

Повседневная жизнь священников точно также раскололась на две части: отныне священники, в особенности «тихоновцы», помимо проведения обрядов и религиозных практик были вынуждены бороться за каждый приход и церковь.

Обновленцы же смогли приобщиться к светской культуре и жизни, что негативно сказывалось в глазах обывателя на общем облике Обновленческой церкви: сторонники обновленческого движения начали пьянствовать, предаваться дракам и прелюбодеяниям, заключали вторые браки, отказывались от монашеского сана. Проведение обрядов обновленцами было своеобразным – в речах могла присутствовать брань и другие кощунственные высказывания [1, с. 55–56].

Общим для обоих течений было то, что они страдали от экономических проблем на уровне прихода и общины. Если «тихоновцы» имели гораздо меньшее количество церквей и отсутствие поддержки со стороны государства, то обновленцы страдали от того, что они не нашли поддержки в народных массах и не могли содержаться лишь за счёт общины [10, л. 58–59]

Однако, как и говорилось выше, рядовых верующих не интересовали данные внутрицерковные процессы. Начало «религиозного НЭПа» привнесло в жизнь и быт верующих жителей Енисейской губернии ряд иных изменений.

Так, с началом строительства нового безрелигиозного уклада жизни началась и постепенная трансформация общества. Газеты, как главный агитатор государства, стремились освещать любые проявления отказа от религиозности в повседневной жизни с нарочито тенденциозными названиями статей: «Без икон», «Новый быт», «Коммунизм и религия». Так, согласно «Красноярскому рабочему», главным досугом на смену религии стало участие в кружках, клубах, лекциях. Главная черта, которая объединяла подобные досуговые формирования – их антирелигиозная направленность, которая могла бы дать новую пищу для размышлений и впечатлений. Под данной пищей понимались лекции о шаманстве, демонстрация предметов культа и фотографий, которые вызывали неподдельный интерес у некоторых частей населения [4, с. 22].

Помимо всего прочего, отмечалось и создание ячеек общества «Безбожник», задачей которых являлось организационное оформление антирелигиозных кружков с целью придания им идеологической выдержанности [17, с. 50].

Однако данные мероприятия и формирования показывали слабые результаты и игнорирование со стороны верующих, а православного населения оставалось немало.

Например, в 1923 г. провалилась антипасхальная комсомольская кампания в г. Красноярск, и православное население успешно праздновало Пасху вместо советских майских праздников [8, л. 27]. Нередко срывались и партийные мероприятия из-за проведения обрядов, как, например, собрание Тесинской партийной ячейки в 1927 г., которое состоялось лишь после третьего предупреждения и то, тогда прибыли не все участники [1, с. 45]

Поэтому в глазах советской власти необходимость создания «новой религии» стало первостепенной задачей.

Так, на смену старым церковным обрядам внедрялись новые советские: «красные крестины», «красные свадьбы», «красные похороны», вводился для этого и новый календарь и своеобразный атрибут для проведения «красных литургий» – «Наказ». В качестве замещающего явления появлялся «красный уголок». Также начали появляться имена детей, настроенные на коммунистический лад: Спартак, Наказ, Ленин, Ноябрьрина, Октябрьрина и т. д.

В своих праздниках целью советской власти являлось намерение заменить внешнюю составляющую православного праздника на коммунистическую, при сохранении общей традиции.

Например, для «красных крестин» собирался «президиум» из двух беспартийных и одного комсомольца. В дальнейшем представители от собравшихся и «президиум» выступали с торжественными речами, «крёстными» читался «Наказ». В конце обряда вручался значок Коммунистического Интернационала молодёжи.

Сильные внешние отличия обрядов, несомненно, отталкивали население, особенно крестьянское, и по-

добная попытка не увенчалась успехом. Данный феномен создания «новой религии» был до такой степени искусственно выведен, что не смог заместить православные традиции целиком и не получил широкого распространения. Но, несомненно, революционно настроенные слои населения приняли «новую бытность», однако, вместе с этим, также и наблюдалось смешение или непринятие новых символов [18, с. 18–21].

Так, в сельской местности крайне мало людей отказывались от веры. В домах продолжали стоять иконы в местах, где располагался «красный уголок», множество людей регулярно посещали церковь и отождествляли себя с православием [1, с. 49].

Характерны такие случаи и для городской среды, как, например, в г. Канске, где жители, хоть и не ассоциировали себя с православием и называли себя неверующими, но продолжали держать дома иконы рядом с советскими символами и сохранять религиозные традиции [12, л. 76].

По-прежнему религиозные обряды продолжали соблюдаться даже членами партии и комсомола. Так, в качестве примера может послужить случай из Ачинска в 1926 г., где служащий госбанка отказался от празднования советских праздников, а в с. Колба в 1927 г. учителя продолжали водить учеников в церковь.

Наглядны и другие случаи сохранения религиозности в среде партийных работников. Например, в документах приводится, как в д. Красный Яр и ст. Боготол кандидаты в члены партии и один из комсомольцев крестили своих детей не «по-коммунистически». В д. Ивановке тем временем кандидат в члены партии приглашал в дом священника с иконами, а в Тисульском районе член ВЛКСМ даже стал псаломщиком [11, л. 299, 251].

Никаким образом не мешало и партийным работникам смешение диаметрально противоположных символов: икон и портретов вождей революции. Так, отмечается, что в Рыбинской партийной ячейки Канского уезда всего у двух коммунистов нет икон, а в Хакасии в одной из партийных ячеек иконы соседствуют с портретами В.И. Ленина.

Также можно упомянуть и процесс бракосочетания, который очень редко обходился без присутствия священника. Венчаться продолжали даже члены партии и комсомола, а также и некоторые работники антирелигиозных ячеек.

За подобное проявление предполагалось, конечно, исключение из партии, согласно решению Пленума ЦК РКП(б) о недопустимости соблюдения членами партии религиозных обрядов, но восстановиться обратно не составляло большого труда.

Помимо всего прочего, сохранялось и чудопочитание, которое было одной из форм проявления религиозного сознания верующих. Продолжали создаваться новые святые места, распространялись слухи о чудесах, происходивших на богоявленных местах.

Исходя из этого, не представляется возможным говорить об атеизме и его высокой скорости распространения или замещения религии. Напротив, как показывала практика, безбожниками себя объявляли немногие, а активность на поле войны с религией — ещё меньше. Но на фоне этого возникло явление совмещения право-

славных и коммунистических традиций в повседневной жизни.

Впрочем, несмотря на получившийся синкретизм в духовной жизни, данная политика не была безрезультативной, атеистические идеи стремительно проникали в молодёжную среду и закреплялись там. Уже к середине 1920-х гг. молодое население губернии начало изживать в себе религиозные начала. Так, в основном верующими по статистике оставались мужчины от 55 лет, а средний возраст верующей женщины — 30–35 лет. На фоне возрастных различий распространение получало неуважение к старикам как к носителям веры в Бога и Церковь [1, с. 44–49, 81].

Подобные явления описывал ещё в «Тезисах» и епископ Назарий до ухода с своего поста осенью 1922 г.: «Обрядовость — наследие отцов и дедов — уже не делается достоянием детей» [14, с. 2].

Одним из методов закрепления антирелигиозных идей в молодёжной среде являлось, прежде всего, участие государства в образовательной программе школьников. Так, школы обязывались проводить антирелигиозные и контррелигиозные праздники и мероприятия, а следовало их устраивать во время хода церковной службы, особое внимание при этом уделялось Рождественским праздникам и Пасхе. В качестве досуга оставались по-прежнему различные кружки, клубы, проведение и посещение лекций [5, с. 33].

Также в школах перестали преподавать Закон Божий, была составлена новая строго регламентированная программа в духе коммунистического атеистического общества, переформирован состав учителей. Отсутствие Закона Божьего вызывало некоторые брожения в обществе, особенно в сельской среде. Верующие жители начинали предъявлять требования на его введение, в ином же случае, отказывались посещать школы [19, с. 12].

Собственно, исходя из вышеописанного, отношение атеизированного населения, преимущественно молодого, к православным верующим и духовенству было крайне негативным. Отмечалась грубость в обращении с верующими, вандализм в отношении приходов и церквей, незаконные аресты священников [20, с. 50–52].

Однако, как и на сегодняшний день, довольно сильное влияние на мировоззрение и сохранение религиозности ребёнка оказывала семья. Так, А.П. Дворецкая приводит статистику к концу 1920-х гг. по результатам анкетирования школьников, как наиболее атеизированной группы, среди свыше 300 семей. И, как показал опрос: около 50% школьников верят в божественную сущность. Как указывается, чем младше школьник, тем выше у него уровень религиозности и влияния семьи. Со временем подрастающий ребёнок может приходить к осознанному отказу от веры, который уже и мог выливаться в конфликт с более консервативными родителями [1, с. 49].

Таким образом, введение синкретизма в сознании и повседневной жизни населения Енисейской губернии и атеизм молодого населения позволил советской власти «нащупать» опору для проведения более ожесточённого антирелигиозного курса.

С выходом 8 апреля 1929 г. постановления «Об религиозных объединениях» и окончанием экономиче-

ского, а, как следствие, и религиозного НЭПа, политика советской власти окончательно перешла к курсу бескомпромиссной борьбы с религией.

В рамках данной политики религиозная жизнь стала жёстко регламентированной, вплоть до звона колоколов. Также был взят курс на сокращение священнослужителей вне зависимости от их политической ориентации. Богослужения постепенно сводились к нулю [5, с. 8].

В качестве вывода можно сказать о том, что, несмотря на антирелигиозную политику советской власти в период НЭПа, православные верующие Енисейской губернии сохраняли религиозные практики и традиции, адаптируясь к новым условиям. Религия оставалась ключевым элементом повседневной жизни, проявляясь в сохранении икон, проведении обрядов, материальной

поддержке церквей и сопротивлении «красным» обрядам. При этом советская политика «религиозного НЭПа» не смогла полностью искоренить веру, но способствовала формированию синкретизма в сознании населения и постепенному распространению атеизма среди молодёжи. Праздники, которые вводились советской властью также, хоть и не могли полностью заместить православные обряды, но укореняли коммунистические начала в сознании человека. Конфликт между традиционной религиозностью и новыми советскими нормами отразился в социальных практиках, семейных отношениях и локальных протестах, что подчеркивает сложность трансформации повседневности в условиях идеологического давления.

Литература

- Дворецкая А.П. Религиозная жизнь населения Приенисейского региона в первой трети XX в. (1900–1930-е гг.) / А.П. Дворецкая. Красноярск : СФУ, 2015. 186 с.
- Малашин Г.В. Красноярская (Енисейская) епархия РПЦ: 186–2011 гг. / Г.В. Малашин. Красноярск : ООО «Издательский дом «Восточная Сибирь», 2011. 480 с.
- Елисеенко В.В. Особенности быта и культурной жизни православного духовенства Енисейской губернии в 1917–1920-е гг. / В.В. Елисеенко, А.С. Кузьменко // Сибирский архив. 2021. № 4(10). С. 64–70.
- Бершадская С.В. Изменение досугово-бытовых практик городского населения Енисейской губернии под влиянием процессов секуляризации в начале 1920-х гг. (на материалах газеты «Красноярский рабочий») // Известия АлтГУ. 2020. №2 (112). С. 19–23.
- Холина М.В. Ломка большевиками РПЦ и православных традиций в Красноярском крае (1920–1930-е гг.) // Новый исторический вестник. 2009. № 21. С. 31–41.
- ГАКК Ф. 674. Оп. 2. Д. 37. Л. 21–22.
- ГАКК Ф. П-1. Оп. 1. Д. 50. Лл. 10, 16, 19, 47 об.
- ГАКК Ф. П-1 Оп. 1. Д. 170. Л. 27.
- ГАКК Ф. П-1 Оп. 1. Д. 516. Л. 60.
- ГАКК Ф. П-1. Оп. 1. Д. 771. Л. 58–59.
- ГАКК Ф. П-1. Д. 859. Оп. 1. Л. 251, 299.
- ГАКК Ф. П-5. Оп. 1. Д. 592. Л. 76.
- ГАКК Ф. Р-2400. Оп. 5. Д. 1. Лл. 1–24.
- К обновлению церкви // Красноярский рабочий. 1922. № 206. С. 3.
- «Тезисы» епископа Назария // Красноярский рабочий. 1922. № 116. С. 2
- Кияшко Н.В. Фактор «религиозного НЭПа» в отношениях советской власти с православной церковью на юге РСФСР // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2022. №2. С. 132–150.
- Костякова Ю.Б. «Бога нет, не было и не будет!»: комсомол и антирелигиозные кампании первой половины 1920-х гг. // Советская молодежь в исторической памяти России: сборник научных трудов по материалам Всерос. науч.-практ. конф., Сургут, 19–20 октября 2018 года. Сургут : ООО «Печатный мир г. Сургут», 2018. С. 44–53.
- Бобрик И.Е. Практика красной обрядности как элемент советской повседневности начала 1920-х гг. (на примере «Революционных крестин» Енисейской губернии 1923 г.) // Человек в мире культуры. 2017. № 2–3. С. 18–21.
- in the south of the RSFSR // Bulletin of the Moscow University. Episode 8. History. 2022. No. 2. pp. 132–150.
- Kostyakova Yu.B. "There is no God, there never was and there never will be!": Komsomol and anti-religious campaigns of the first half of the 1920s // Soviet youth in the historical
- Дианов А.Г. Сибирская школа на начальном этапе НЭПа (по материалам сибирской рабоче-крестьянской инспекции) // ОНВ. 2009. №4 (79). С. 9–13.
- Шекшеев А.П. Енисейское крестьянство и православная церковь эпоху общественной смуты // Религия и общество: материалы межвузовской научной конференции. Абакан, 16 ноября 2002 г. / Абакан : Изд-во Хакасского гос. ун-та, 2003. С. 46–63.

References

- Dvoretzkaya A.P. Religious life of the population of the Yenisei region in the first third of the 20th century (1900–1930s) / A.P. Dvoretzkaya. Krasnoyarsk : SFU, 2015. 186 p.
- Malashin G.V. Krasnoyarsk (Yenisei) Diocese of the Russian Orthodox Church: 186–2011 / G.V. Malashin. Krasnoyarsk : ООО «Publishing house "East Siberia"», 2011. 480 p.
- Eliseenko V.V. Features of the way of life and cultural life of the Orthodox clergy of the Yenisei province in the 1917–1920s / V.V. Eliseenko, A.S. Kuzmenko // Siberian Archive. 2021. № 4(10). pp. 64–70.
- Bershadskaya S.V. the change in leisure and household practices of the urban population of the Yenisei province under the influence of secularization processes in the early 1920s (based on the materials of the newspaper "Krasnoyarsk Worker") // Izvestiya AltGU. 2020. № 2 (112). pp. 19–23.
- Kholina M.V. The breaking of the Bolsheviks of the Russian Orthodox Church and Orthodox traditions in the Krasnoyarsk Territory (1920–1930s) // New Historical Bulletin. 2009. No. 21. pp. 31–41.
- GAKK F. 674. Op. 2. D. 37. L. 21–22.
- GAKK F. P-1. Op. 1. D. 50. Ll. 10, 16, 19, 47 vol.
- GAKK F. P-1 Op. 1. 170. L. 27.
- GAKK F. P-1 Op. 1. 516. L. 60.
- GAKK F. P-1. Op. 1. D. 771. L. 58–59.
- GAKK F. P-1. D. 859. Op. 1. L. 251, 299.
- GAKK F. P-5. Op. 1. D. 592. L. 76.
- GAKK F. R-2400. Op. 5. D. 1. Ll. 1–24.
- Towards the renewal of the Church // Krasnoyarsk worker. 1922. No. 206. p. 3.
- "Theses" of Bishop Nazarius // Krasnoyarsk worker. 1922. No. 116. p. 2
- Kiyashko N.V. The factor of "religious NEP" in relations between the Soviet government and the Orthodox Church memory of Russia: collection of scientific papers based on the materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference, Surgut, October 19–20, 2018. Surgut : ООО "Printing World of Surgut", 2018. pp. 44–53.

18. Bobrik I.E. The practice of red rituals as an element of Soviet everyday life in the early 1920s (on the example of the "Revolutionary baptisms" of the Yenisei province in 1923) // *Man in the world of Culture*. 2017. № 2–3. From 18–21.
19. Dianov A.G. The Siberian school at the initial stage of the New Economic Policy (based on the materials of the Siberian Workers' and Peasants' Inspection) // *ONV*. 2009. No. 4 (79). pp. 9–13.
20. Sheksheev A.P. The Yenisei peasantry and the Orthodox Church in the era of social unrest // *Religion and society: materials of the interuniversity scientific conference*. Abakan, November 16, 2002 / Abakan : Publishing House of the Khakass State University, 2003. pp. 46–63.